

ИЗ ТВОРЧЕСКОЙ ИСТОРИИ ПОЭМЫ «ВОЗМЕЗДИЕ»

Сообщение И. А. Ревякиной

Один из вершинных, но не воплощенных до конца замыслов Блока уже много раз становился предметом пристального изучения: в работах Д. Е. Максимова, Л. И. Тимофеева, Л. К. Долгополова, П. П. Громова и др. Законченные части «Возмездия» в самый момент своего появления — в 1917, 1918 и 1921 гг. — вызвали признание современников. Так, К. Чуковский¹, К. Федин², П. Антокольский³ при всей разнице оценок увидели в поэме некое откровение, связанное с новым этапом творческих исканий Блока. Чеканные строки Пролога, утверждавшие подвиг поэзии мысли, поэзии исследования жизни («...Тебе дано бесстрашной мерой//Измерить все, что видишь ты...» — III, 301), вызвали сопоставление с пушкинскими. И это было справедливо: лучшее в поэме действительно причастно к пушкинским традициям как по силе выразительности, так и по глубине содержания.

Изучение творческой истории «Возмездия» началось давно. Вскоре после смерти Блока появились первые публикации черновых отрывков, вариантов поэмы: раньше всего в журнале «Записки мечтателей» (1921, № 5, с. 5—16), потом в книге «Памяти А. А. Блока» (Пб., 1922, с. 60—61), затем в отдельном издании — А. Блок. Возмездие (Пб., «Алконост», 1922; здесь печатались предсмертные наброски, подготовленные при участии матери и жены поэта). Первая попытка углубленного изучения творческой работы Блока над поэмой — разбор всех сохранившихся рукописей, установление их хронологии, последовательности редакций и т. д. — была предпринята П. Медведевым. Выводы, сделанные им в книге «Драмы и поэмы Ал. Блока. Из истории их создания» (Л., 1928), сохранили значение до сих пор.

В разное время (в частности, Грозовым, Долгополовым) поэма сопоставлялась с другими произведениями Блока. Несомненно, что во многом замысел поэмы и его место в творчестве Блока получили убедительное освещение. Тем не менее и поныне существуют спорные толкования очень важных проблем, связанных с работой Блока над поэмой. Есть «непрочтенные» исследователями странички истории создания поэмы. Это относится в первую очередь к вопросу об объеме и границах ранней редакции «Возмездия». Чем она заканчивалась, почему была отвергнута? Выявить и осмыслить это тем более важно, что именно на раннем этапе осуществления замысла поэт определил для себя дальнейшую перспективу работы.

Едва ли бесспорно почти единодушное, при разнице только в некоторых акцентах, объяснение причин невоплощенности замысла поэмы. Исследователям кажется, что Блок пошел слишком традиционным путем: в пространство пушкинской поэмы или романа в стихах нельзя было уложить задуманного, неудача была якобы предрешенной. Если ответ столь прост и однозначен, почему же поэт все-таки мучительно и сложно (признания об этом содержатся в дневниковых записях и письмах), однако неотступно продолжал и продолжал свою работу? Не ставил ли он перед собой задачи — с самого начала — обновления тех форм и тех традиций, из которых исходил? Во всяком случае, трудности предстоящей работы были ему ясны — о них он говорил в Прологе к поэме: «...Пусть же все пройдет неспешно <...> // Сквозь жар души, сквозь хлад ума <...> // Пусть жила жизни глубока: // Алмаз горит издалека — // Дроби, мой гневный ямб, камня!» (III, 301, 303).

* * *

В разгар работы над поэмой Блок записывает в черновиках о самом важном: «Вот суть: зависимость личной жизни от общей» (III, 606). Новизна и смелость замысла поэмы и заключались не только в небывало тесном, но и обязательном соединении частных судеб с событиями мирового значения. Гете незадолго до смерти говорил о своем Фаусте: «Это же нечто непомерное»⁴. В «Возмездии» Блок задумал тоже нечто непомерное: в своих «Ругол — Маккарах» «в малом масштабе» (III, 298) раскрыть судьбы трех поколений одного рода на фоне событий рубежа XIX и XX вв., когда назревают «неслыханные перемены, // Невиданные мятежи...»

(III, 306). Замысел поэмы концентрировал самое существенное в общественно-политических и философских поисках Блока. Не случайно в позднейшем предисловии к III главе он выделил прежде всего связь поэмы со своими «революционными предчувствиями» (III, 295), а с другой стороны, так много говорил об истории и человеке, о своем осмыслении происходящих социальных процессов. И то и другое поэт объединил в лейтмотиве «возмездия», стремясь выразить свое понимание универсальных связей человека и общества, общественного развития, необходимости социальных перемен. Личность выступает у Блока в историческом движении и как объект «возмездия» («Мировой водоворот засасывает в свою воронку почти всего человека» — III, 298), и как субъект его (III, 300). В первом случае Блок говорит о «роде, испытывавшем на себе возмездие истории, среды, эпохи», во втором — об образе «последнего первенца» рода (его он хотел изобразить в эпилоге), который «начинает, в свою очередь, творить возмездие», «готов ухватиться своей человеческой ручонкой за колесо, которым движется история человечества» (III, 298). «Чертеж» столь смелого, универсального замысла, несомненно, являлся выражением творческой зрелости поэта. Осуществить задуманное Блок усиленно стремился на протяжении 1911 г., интенсивно работал над первой, второй и третьей главами. Надолго прервав работу весной 1912 г., он возобновляет ее уже в 1916 г.: в мае и начале июня на настоящем взлете вдохновения была закончена первая глава, за короткий срок написано — или существенно переработано — около половины текста (480 стихов из 923). Вместе с прологом, содержащим цельную программу поэтического творчества, первая глава поистине эпична. Катуры большого «чертежа» (III, 297) здесь видны прежде всего в мощном, социально-философском вступлении — о жестоком девятнадцатом веке и не менее жестоком двадцатом, илущем ему на смену. А как богат, калейдоскопичен — при внутреннем единстве — весь «фон» главы! Обращаясь к эпизодам войны 1878 г., революционной деятельности народников, поэт добивается сложной соотнесенности частного и общего. Смена поколений одной семьи нарисована им в перспективе движения времени, исторических событий, тающих залог будущих перемен и даже катастроф. Такой разнообразной вместимости остросоциальных, философско-психологических, жанрово-бытовых, реально-достоверных и в то же время поэтически-обобщенных аспектов изображения русская поэма еще не знала. Поэт — в прошлом «лирик» — достиг безусловно новых рубежей творчества — эпичности с ее многоплановостью и глубиной.

Завершив первую главу, Блок, казалось бы, находился уже на полпути к успеху. Однако работа вновь приостанавливается. Как удачи в написании главы, так и трудности с очевидностью показали, что в опыте воплощения большого замысла возникло реальное противоречие: темы, которые он включал, были слишком важными, современными, пути же к ним — долгими и «неспешными», хотя «диалог» поэта со временем требовал скорого, неотложного их решения. Так поэт оказывается перед необходимостью искать иных путей осуществления ведущих тем поэмы, связанных с пониманием проблемы личности, испытывающей на себе «возмездие истории, среды, эпохи», человека в «мировом водовороте» (III, 298). Он ищет и находит: в ходе работы над поэмой — попутно — создаются стихотворения, в особых, лирических формах раскрывающие важные, лейтмотивные темы ее. В 1914 и 1915 гг. Блок публикует ряд таких произведений: «Народ и поэт», «Моей сестре» («Когда мы встретились с тобой...»), «Два века» («Век девятнадцатый, железный...») и др. Поиски поэта дают плодотворный результат — взаимодействие эпических и лирических тенденций и форм творчества: при «безуспешности», вернее, незавершенности процесса создания большого замысла Блок достигает совершенства в реализации его лирических частей, столь цельных и законченных, что они обретают самостоятельность. Такова «непрочтенная» исследователями, неожиданная, но вполне закономерная страница творческой истории поэмы.

Каково же место и значение сопутствовавших эпическому замыслу поэтических опытов Блока?

* * *

Не совсем обычна в творческом наследии поэта судьба стихотворения «Два века» («Век девятнадцатый, железный...»). Оно редко печатается⁵, останавливает внимание исследователей только при изучении истории создания поэмы как один из ее вариантов, черновых проб. Между тем это далеко не так.

Осенью 1911 г. Блок, увлеченно работая над поэмой, уже определившейся в многочисленных планах, фрагментах написанных частей первой, второй и третьей глав как сложное и большое целое, создает и самое начало первой главы — вступление к ней: «Век девятнадца-

тый, железный...» и т. д. Оно состояло из 52 стихов, включая стих «Он мягко стлал — да жестко спать...» — III, 304—305. Фрагмент предназначался для исторического фона, на котором должны были разворачиваться события «личной жизни» героев, зависимые, как считал Блок, «от общей» (вспомним его заметку в черновиках о «сути» замысла). Также во второй половине 1911 г. и в начале 1912 г. создавались и другие части фона, связанные с изображением русско-турецкой войны, — а именно, сцены возвращения русских войск в Петербург осенью 1878 г. Яркий и пестрый калейдоскоп исторических эпизодов мыслился Блоком как необходимый и обязательный перед появлением в семье «демона» (отца), героя — предвестника будущего.

Зимой 1911 г. поэт пристально изучал исторические источники о русско-турецкой войне, народовольцах. Представление об углубленности и широте интересов поэта дает сохранившаяся им отдельно тетрадь с названием «Материалы для поэмы» (III, 444—460). В ней — конспекты и рабочие записи по поводу исторических источников, внимательно прослеженных: это — Тагищев С. С. Император Александр II, его жизнь и царствование. В 2-х т. СПб, 1903; Сватиков С. Г. Общественное движение в России (1700—1895). Ростов-на-Дону, 1905; Тун А. История революционных движений в России. Изд. «Библиотеки для всех», б. г.; Лемке М. Политические процессы Михайлова, Писарева и Чернышевского (по неизданным документам). СПб., 1907; Смирнов В. И. Официальная Турция в лицах. — «Вестник Европы», 1878, № 1. Здесь заметки и конспективные записи, связанные с мемуарами: Л. Ф. Пантелеев «Из воспоминаний прошлого» (СПб., 1905), кн. В. Мещерский «Воспоминания» (т. 1), а также и документальной литературой («Сборник военных рассказов», т. 1—6. 1877—1878). Записи о прочитанном Блоком по истории революционного движения в России конца XIX в. (и частично потом использованном в поэме) находятся и на листах черновой рукописи. На обороте листа 42, на листе 43, обороте листа 45 содержатся выписки из воспоминаний О. Любатович («Былое», 1906, № 5—6), отмечаются воспоминания Я. П. Щеголева «После 1 марта» («Былое», 1907, № 3), приводится оценка Плехановым тактики народовольцев (III, 618).

В работе по завершению первой главы через несколько лет (в мае — июне 1916 г.) наибольшие усилия поэт вновь прилагает к созданию сцен исторического фона: военных, теперь показывающих трагическую сущность войны, и сцен о народовольцах — о «революции», как обозначается эта тема в рабочих планах⁶. Несомненно, что в них находятся главные линии тех связей, в которых и заключено единство главы как эпического целого. Итак, Блок длительно и упорно ищет те звенья, те «сцепления тем», в которых замысел обрел бы значение «общего». В определенной степени это подтверждается и таким характерным фактом в творческой истории поэмы: как раз в момент перерыва в работе над ней вступительную часть к первой главе Блок выделяет как самостоятельное стихотворение. В тетради беловых автографов стихотворений 1913—1914 гг. оно записано под названием «Деятнадцатый век» со своей отдельной датой создания: «Осень 1911—22 февраля 1914». Текст сопровождается пометой: «Из поэмы»⁷.

Стихотворение не публиковалось Блоком, хотя такая возможность, видимо, предполагалась при выделении текста из поэмы. Вскоре — в конце 1914 г. — оно вошло как часть в новое и более масштабное целое — в стихотворение «Два века». Рабочие пометы и правка в тетради позволяют проследить развитие авторской мысли. Первоначальный текст в 52 стиха (соответствующий вступлению в первую главу) озаглавлен «Деятнадцатый век». Другими чернилами название изменено: «Два века». Теми же чернилами в конце первоначального текста сделано рабочее примечание: «Продолж(ение) на стр. 166». На этой и последующих страницах тетради также новыми чернилами написан текст в 40 стихов о «новом веке» — двадцатом, — развивающий и существенно обогащающий исходную поэтическую мысль. В конце текста — новая авторская дата: «4 дек(абря) 1914», прежней пометы «из поэмы» здесь уже нет. Очень скоро — 25 декабря 1914 г. (7 января 1915 г.) — стихотворение было опубликовано в газете «Русское слово».

Новое произведение — по жанру своеобразная «гражданская дума» — не только повторяло, но и развивало «сокровенный» замысел поэмы. Во второй — «внепоэмой» — части стихотворения Блок воплотил мысль, раскрытие которой представлялось главным образом в завершении замысла: ведь он должен был выразить «революционные предчувствия» (III 295), выразить идею революционного «Возмездия». Рассказ о двадцатом веке как бы в миниатюре, по законам и в пропорциях лирического жанра продолжает лейтмотивные темы поэмы и здесь главное в том, чтобы запечатлеть движение истории в человеке, а также показать слож

ность общего, мировые катаклизмы. Первые строки о «новом веке» усиливают мрачные краски: «...Еще страшнее жизни мгла...» (III, 305). Однако картина противоречий жизни, казалось бы непреодолимых, сулящих только конец миру, отличается внутренней динамикой. В самом хаосе, буйстве зла поэту видится возможность «неслыханных перемен, невиданных мятежей» (III, 306), он стремится прозреть смысл открывающихся «огненных далей». Последняя часть стихотворения — 12 строк — это взгляд в грядущее, мечта об историческом деянии в движении времени, призыв к героическому подвигу:

Как день твой величав и пышен,	Участник дней необычайных!
Как светел твой чертог, жених!	Открой твой взор, отвержи слух
Нет, то не рог Роланда слышен,	И причастись от жизни смысла,
То звук громовый труб иных!	И жизни смысл благослови,
Так, очевидно, не случайно,	Чтоб в тайные проникнуть числа
В сомненьях закалял ты дух,	И храм воздвигнуть — на кр о в и.

(III, 606)

Собственно, ради этого — раскрытия «огненных далей» истории — написано стихотворение в «час немятежного труда», глубоких раздумий над путями к грядущему. На малом, но емком пространстве лирического произведения поэт, как бы опережая себя самого, преодолевая трудности реализации эпического сюжета, сконцентрировал свою заветную идею о представителе нового поколения, способном «творить возмездие» — героическое историческое деяние.

Стихотворение глубоко отражает духовную жизнь Блока, ее «мужающие ритмы». Об этом говорит и то, что Блок, не откладывая, публикует его, и то, что тематика стихотворения перекликается с рядом других произведений — тоже злободневных дум. 3 декабря 1914 г., т. е. накануне («Два века» закончены 4 декабря), Блок записывает в тетрадь беловых автографов стихотворения «Я не предал белое знамя...» и «Он занесен — сей жезл железный...». Темой законов времени — «ночных», «роковых» путей, как об этом говорится в первом стихотворении, — «круженья вихревого» «над грозной бездной», как это же обозначено во втором, а также темой сурового — «не сентиментального» — воспитания человека жизнью (см., например: «Но чем полет неукротимей (...) Тем лучезарнее, тем зримей//Сияние Ее лица» — III, 223) — они внутренне близки «Двум векам», где поэт прославляет неодолимость человека во всех испытаниях временем.

Нужно упомянуть еще и о том, что осенью и зимой 1914 г. написан ряд стихотворений гражданской тематики: «Война» («Петроградское небо мutilось дождем...») — начало сентября, «Антверпен» — 4—5 октября, «Рожденные в года глухие...» — начало ноября. События военного 1914 г., обостряя общественные переживания поэта, углубляют его размышления над современностью («Испепеляющие годы!» — III, 278). Блоку чужд «угар» военного воодушевления, на лобу дня он откликается с трезвостью гражданского чувства. Все это сказалось и в стихотворении «Два века».

Продолжением творческой истории стихотворения явилось включение большого фрагмента из второй его части — 28 стихов — во вступление к первой главе. Оно было сделано, видимо, уже в 1916 г., когда глава завершалась в целом. Новый для главы фрагмент — стихи 53—80 о веке двадцатом — стал дополнением фона, намечал историческую перспективу, обращенность повествования к будущему. Таким образом, стихотворение, возникнув в недрах замысла поэмы, выделившись из него, затем сливается с ним вновь, обогащая историческую панораму повествования. Не привело ли это к «исчезновению» стихотворения как самостоятельного, ведь текст его в большей части — 28 стихов из 40 — введен в поэму? Текст стихотворения не мог быть целиком «поглощен» поэмой: 12 последних стихов, а они-то и составляют его главный «архитектурный свод», поэт не включил в первую главу — они были бы в ней «преждевременны»: это «звено» темы еще предстояло развернуть в сюжете, в особых, эпических пропорциях. Несомненно, что стихотворение сохранило самостоятельность.

Это в полной мере подтверждается рукописным оформлением стихотворения в тетрадях (о чем шла речь выше), а также деловыми пометами автора там же. В оглавлении к тетради № 8⁸ Блок вставляет против названия стихотворения точные данные, относящиеся к написанию и публикации текста. Наименования «Девятнадцатый век» и «Два века» с соответствующими им датами — 1911 (в первом случае) и 1911—1914 (во втором) — включены Блоком в

позднейший список его работ в тетради № 9^о. Здесь они подчеркнуты красным карандашом, как и названия многих других произведений, не включенных в последнее издание стихотворений (помета относится к 1918 г.). Значение выделения оговорено Блоком на первой странице указателя. Вполне вероятно, что так выразилось желание поэта определить место этих стихотворений в дальнейшем, в будущей работе над собранием своих произведений. Пометы свидетельствуют о том, что в творческом сознании Блока долгое время — не только в 1911 и 1914 гг., но и в 1918 г. — стихотворения, выделенные из поэмы, выступали как самостоятельные. Поэтому правы те исследователи, которые включают их в издания избранных сочинений поэта¹⁰.

Более того, бесспорно, что стихотворение «Два века» должно включаться в собрания сочинений Блока наряду с поэмой «Возмездие». Это соответствует самобытности самой творческой практики поэта: тема в обоих случаях получила неадекватное выражение в малом и большом объеме, в лирической и эпической формах. Параллельность замыслов, их частичное совпадение не отменяют ни одного из них: так они возникли и существовали в художественном мире поэта.

Столь неожиданное направление реализации замысла — в лирических, «боковых», ветвях — вызывалось и процессом обновления в этот период лирики Блока в целом. Поэт остро ощущает новизну встающих перед ним задач. Новые гражданские мотивы Блока-лирика оказываются органически связанными с проблематикой поэмы. И в том и в другом многообразно проступает рождение «человека общественного», «художника, мужественно глядящего в лицо миру» (VIII, 344).

Можно привести немало примеров сопоставимости тем, мотивов поэмы и лирических произведений Блока начала—середины 1910-х годов. Стоит упомянуть о намеченной поэтом в его рабочих планах соотносительности с поэмой стихотворения «О, я хочу безумно жить...» и «Коршун». Их беловые тексты сопровождаемы в тетрадях стихотворений авторской пометой: «к поэме»¹¹. Стихотворение «Коршун» примыкает к тем многим произведениям Блока 1910-х годов, в которых ярко выразилась тема «испепеляющих» лет России. Им поэт завершил цикл «Родина». Вариант стихотворения действительно вошел в поэму (стихи 596—615 первой главы — III, 319); здесь птица, которая тужит о птенцах, терзаемых ястребами, как бы символизирует образ родины-матери, ее испытания в настоящем и будущем. В составе главы это — авторское отступление, голос поэта звучит в нем трагически, скорбно, отрывок входит в эпическое повествование, являясь обобщающим аккордом.

Вполне вероятно, что в стихотворении Блоку виделся в какой-то степени и прообраз эпилога: там тоже должны были появиться мать и дитя (сын), но только уже не обреченные, «чтоб их терзали ястреба» (III, 319), а стоящие на пороге «Возмездия» (о чем поэт писал в предисловии к третьей главе).

Как должно было бы соотноситься с поэмой стихотворение «О, я хочу безумно жить...»? Непосредственных указаний на это нет, однако его уместность среди авторских отступлений, понять не так уж трудно. Его пафос близок, например, отрывку «Когда ты загнан и забит...», утверждающему: «...А мир — прекрасен, как всегда», которым завершается текст третьей главы.

Разумеется, речь идет не о точном месте стихотворения в сюжете, а о его принципиальном значении: оно несомненно при той «мирообъемлющей» авторской позиции, которую в создании поэмы осваивал и отстаивал Блок. Это и стало основой выделения из поэмы в качестве самостоятельных произведений ее «лирических» звеньев — тех, где «прорывался» авторский голос. Так появляются в печати новые поэтические декларации — стихотворение «Народ и поэт» («Русское слово», 1914, 6 (19) апреля), написанное весной 1911 г. как Пролог к поэме, стихотворение «Современнику» (Да. Так диктует вдохновение...) («Биржевые ведомости», 1915, 8 (21) ноября, утр. вып.). Последнее поэт выделил из черновики третьей главы, над которой работал осенью 1911 г. В 1914—1915 гг. Блок публикует и части своей лирической исповеди в поэме: они стали основой стихотворения «Когда ты загнан и забит...», «Моей сестре» (В огне и холоде тревог...), «Над Варшавой» (Страна под бременем обид...) и др.

Стихотворение «Когда ты загнан и забит...» появилось в составе цикла «Седое утро», опубликованного в сборнике «Сирия» (сб. 3. СПб., 1914). Не случайно поэт избрал стихотворение, звучащее как гимн альтруизму, как утверждение веры в человека и прекрасное в жизни, для завершения всего цикла. Его построению в целом свойственна внутренняя контрастность мотивов. Достаточно сказать, что оптимистическому финалу предшествует стихотворе-

ние «Как растет тревога к ночи...», противоположное по безусловно-трагической интонации (позднее оно стало заключительным в цикле «Пляски смерти»). Как самостоятельное целое — авторское лирическое отступление — стихотворение оформилось в ходе создания второй (по обозначению самого писателя) редакции поэмы «Возмездие» еще в январе 1911 г.¹² Вероятно, уже весной 1911 г. Блок считал фрагмент законченным стихотворением: с этой датой и заголовком «Из поэмы» оно и записано в тетрадь стихотворений 1913—1914 гг., видимо, в связи с формированием цикла «Седое утро»¹³. Однако, выделяя фрагмент, Блок не переставал считать его и частью большого целого. Как свидетельство этого интересны воспоминания В. В. Гиппиуса, встретившегося с поэтом весной 1914 г.: «Блок спросил, читал ли я стихи его, напечатанные в «Сирине», и стал расспрашивать о впечатлении от каждого. Я назвал прежде всего «Когда ты загнан и забит...», еще не зная, что это — отрывок из «Возмездия». Блок сказал об этом. Видно было, что он придает особое значение своей работе над поэмой и проверить впечатление от напечатанного отрывка ему важно»¹⁴.

И позднее стихотворение «Когда ты загнан и забит...» сохранило в художественном сознании Блока значение самостоятельное, оставаясь в то же время частью поэмы. Так, в 1918 г. поэт включил его в состав своих избранных стихотворений — в рукопись «Изборника», которую он готовил по предложению издательства М. и С. Сабашниковых¹⁵, а в 1921 г. оно появилось в печати вместе с третьей главой «Возмездия» как ее заключительный фрагмент в журнале «Записки мечтателей» (№ 2—3).

Столь же своеобразно и место Пролога к поэме среди произведений Блока: это и часть поэмы — вступление к ней, и возможное отдельное целое — стихотворение под названием «Народ и поэт», яркая, полемичная декларация писателя зрелой поры. В ней Блок во многом по-новому для себя ставит вопросы, взаимосвязей поэзии и жизни, природы художественного вдохновения. Полемичность стихотворения отчетливо прослеживается при сопоставлении его со статьей «О современном состоянии русского символизма». На новом этапе духовного развития Блок отвергает мистико-символистскую отъединенность искусства от реальности, утверждая обращенность художника к познанию жизни.

Текст стихотворения «Народ и поэт» закреплен в тетрадях автографов как самостоятельный¹⁶. В позднейшем «Хронологическом указателе» произведений стихотворение под этим названием обозначено Блоком отдельно от поэмы, с обычными пометами — и о времени создания, и о месте публикации. Тексты Пролога и стихотворения фактически тождественны: разница в трех стихах имеет характер равноценных вариантов. Сравним в Прологе:

Удар — он блещет. Нотунг верный.

И Миме, карлик лицемерный

<...>

Из глины созданный и праха,

(III, 301)

— в стихотворении те же стихи несколько отличны:

Удар, — булат сверкает верный,

И карлик, жалкий, лицемерный

<...>

Тяжелого создание праха...¹⁷

Текст стихотворения, однако без названия, Блок включил в рукопись «Изборника».

С разным использованием одного текста — и как самостоятельного, и как части другого произведения — можно встретиться не только у Блока, но также и у Пушкина, Некрасова, Горького. Так, не пропущенное цензурой стихотворение «Жил на свете рыцарь бедный...» Пушкин включил в «Сцены из рыцарских времен», однако сократив, надеясь, по всей вероятности, в таком виде опубликовать его. Стихотворение Некрасова «Когда горит в твоей крови...» (1848) появилось в составе романа «Три страны света», но поэт намечал также напечатать его отдельно¹⁸. Горьковская «Песня о Буревестнике» первоначально входила в аллегорический рассказ «Весенние мелодии». Он был запрещен, но, как ни странно, самая решительная, революционная его часть — «Песня о Буревестнике» — все-таки появилась в печати как самостоятельное произведение. В 1910-х годах Горький печатал отдельно и не однажды в большевистских изданиях очерк-рассказ «Вездесущее», придавая ему большое значение.

Позднее заключительную его часть он ввел в один из рассказов из цикла «Сказки об Италии» (в сказку XXIV)¹⁹.

Все эти примеры (а можно привести и другие) разного функционального использования одного текста представляют своеобразные случаи проявления творческой воли автора. Они не могут не учитываться в издательской практике.

То, что в основу цикла «Ямбы» — одного из самых значительных и известных в творчестве Блока — положены поэтом стихотворения, выделенные из черновики ранней редакции «Возмездия», впервые установлено П. Медведевым. Объяснение этого факта находим и у Иванова-Разумника²⁰, а также в комментариях, напечатанных в собраниях сочинений Блока. До сих пор, однако, исследователей не привлекал вопрос о том, какова же была творческая необходимость возвращения поэта в 1918 г. к фрагментам давнего замысла 1910—1911 гг. к тому же как будто и не состоявшегося, оставленного. Не решен и вопрос о том, каким было место этих фрагментов в первоначальных планах поэмы. И то и другое существенно в осмыслении творческого развития Блока, в установлении единства его пути: не случайно же поэт, пережив события 1917 г., вернулся к своим ранним опытам, «восстанавливал» их?

Четыре стихотворения цикла «Ямбы» («О, как смеялись вы над нами...», «Когда мы встретились с тобой...», «Земное сердце стынет вновь...» и «В огне и холоде тревог...») написаны на основе фрагментов ранней — второй, как называл ее сам автор — редакции (первая состояла из набросков, была предварительным этапом работы). В «Ямбы» вошло также стихотворение «Да. Так диктует вдохновенье...», выделенное из поздней редакции поэмы. Об этом шла речь выше.

В рукописи, кроме названия «Возмездие», вторая редакция имеет подзаголовок: «Варшавская поэма». Произведение в этом раннем варианте является вполне законченным и цельным как в идейном, так и в художественном отношении. В его структуре выражены особенности лиро-эпического решения темы человека перед судом жизни. Это поэма-исповедь, исповедь поэта-сына о себе и об отце, исповедь «земного сердца» поэта, которое «стынет от холода и тревог» «страшного мира», но устремлено к «огню». И форма внутреннего монолога — повествование ведется от первого лица, — и посвящение поэмы сестре, и одухотворенный лиризм всех описаний (и Варшавы «под бременем» исторических «обид», и похорон отца) — все эти элементы внутреннего строя «варшавского» варианта отвечают его особенностям как лирического произведения по преимуществу. В последующей работе «варшавская поэма» стала основой III главы эпически разросшегося замысла, т. е. частью уже другого целого, поэтому «старые» компоненты сюжета обрели новые качества. В III главе остались отец и печальная процессия его похорон, осталась и Варшава — «Страна — под бременем обид, // Под игом наглого насилия...», — но о них рассказывает уже поэт-повествователь, рассказывает от третьего лица. Он же ведет речь и о «сыне», новом персонаже, герое «милом и невинном» (III, 341): в черновой рукописи новой, третьей редакции поэмы, впервые появляется фрагмент о «почти несвязном» бреде сына над Вислой (III, 341—344). Поэма-исповедь преобразуется в поэму суда над жизнью. Позднейший замысел развивается по своим жанровым законам: лирическое повествование, раньше построенное как бы импульсивно, теперь сменяется иным движением — последовательным изложением цепи событий, следующих друг за другом, ведущих как бы к глубинам жизни. В таком сюжете и тема поэта обретает самостоятельность в лирических отступлениях: они становятся важной частью структуры заново создаваемого целого. Именно в этих принципиально новых частях были акцентированы, обобщены итоги жизни отца и переживаемое сыном. Так, рассказ об отце в третьей редакции поэт довершил лирическим отступлением о погубленном «гении» души (см. III, 339—340), а затем с не меньшей последовательностью связал его судьбу с общественным планом изображения: уже не только личности, но и «страны под бременем обид». Блок закончил работу над главой введением в текст отрывка «Когда ты загнан и забит...» из второй редакции. Прежний текст обрел новые смысловые проекции. Это не только исповедь, но прежде всего выражение убеждений поэта, его нравственно-философской позиции.

Какое же место в творческой работе Блока на разных этапах занимали фрагменты, ставшие основой «Ямбов»? Два стихотворения — «Земное сердце стынет вновь...» и «В огне и холоде тревог...» — были выделены Блоком из текста «последнего отрывка», которым заканчивалась вторая редакция — «Варшавская поэма». Первые исследователи поэмы неточно определили ее состав: без отрывка, завершающего текст. П. Медведев считал, что последняя во второй редакции — 14-я глава²¹. В ней, как и в предыдущей, ведется ироническая беседа

поэта с читателем о своей Музе. Облик ее мистифицирован поэтом: он смеется над незадачливым читателем, представляя свою Музу как «девушку из скромных», «плясунью». Главку заканчивает как бы чистосердечное саморазоблачение:

Читатель! Так и быть, признаюсь:
 Повеселить тебя я рад,
 Ища с плясуньями союза,
 Но у меня — другая Муза,
 А эту — взял я напрокат²².

В составе четырнадцати главок «Варшавская поэма» была напечатана в разделе редакций и вариантов в двенадцатитомном собрании сочинений Блока, затем и в восьмитомном (III, 434—444).

Мог ли иронический разговор с читателем заканчивать раннюю редакцию поэмы: ведь он никак не связан с социально-философской темой «возмездия»? Эта роль отводилась Блоком тексту, который в черновике имеет рабочий заголовок «Последний отрывок», он объединен с остальной рукописью общей нумерацией²³. Ни одно из этих авторских указаний не было учтено исследователями.

На ложный вывод при анализе рукописи наталкивает сугубо черновой характер «Последнего отрывка» (возможно, он и хранился отдельно), он отличен по бумаге, почерку, написан карандашом, не чернилами, как все предшествующее. Текст четырнадцати главок объединен их нумерацией и как бы завершается общим подсчетом стихов — в каждой из них и во всех вместе. Это более всего и сбивает с толку. В рабочей записи поэта с подсчетом стихов исследователи не оценили значимости одного из замечаний. Блок, пересчитав все четырнадцать глав и указав, в какой сколько стихов, сделал итоговую запись: «Пока 382 стиха»²⁴. Где же то, что для автора и должно быть продолжением — за пределами «пока» законченного? Завершающая часть рукописи сохранилась на нескольких листах с рабочей надписью «Последний отрывок» и с нумерацией, продолжающей те листы, на которых написаны главы с первой по четырнадцатую. Именно этот отрывок не только идейно, но и сюжетно заключает поэму в раннем варианте ее замысла. Действительно, здесь заканчивается «внешняя» линия сюжета, потому что поэма должна была содержать обращение к сестре: ведь это поэма-исповедь, посвященная сестре, а нигде в тексте развернутого обращения к ней нет — оно подразумевалось в самом конце как обращение к юности, к будущему. Эпилог задуман поэтом в качестве высшей точки развития лирической темы, в нем сосредоточена мысль об «огне», устремленности мечты к «презренью», «гневу», «мятежу» против «холода» и «стужи» жизни. Вне этого идея «возмездия» была бы неполной.

Вот он, этот эпилог, действительно завершающий ранний замысел, содержащий тему «революционных предчувствий» поэта. Приводим его с вариантами черновой правки:

Последний отрывок

Земное сердце стынет вновь^а.
 Но стужу я встречаю грудью.
 Храю я к людям на безлюдь
 Неразделенную любовь.
 А за любовь — зреет гнев^б,
 Растет^в презренье — и желанье

Читать в глазах мужей и дев
 Печать забвенья, иль избранья^г.
 Пускай зовут: забудь, поэт^д,
 Вернись в прекрасные уюты^е.
 Нет! Лучше сгнуться в стуже лютой!^ж
 Уюта — нет! Покоя — нет!

^а 1. Вот — мрак, и страх, и холод вновь.
 2. Год минул. сердце стынет вновь.

^б 1. Но с ней — с любовью — зреет гнев
 2. За той любовью — зреет гнев

^в Стих начат: 1. Все 2. И все

^г Далее начато: Сей суд — не мой. Но счастья нет
 Ни <?>

^д Перед стихом — ряд набросков (не приводятся), затем варианты:

1. Она зовут: забудь, поэт 2. Меня зовут: забудь, поэт,

^е Приди в прекрасные уюты

^ж Далее: Чем на мирный свет

В огне и холоде тревог —
 Так жизнь пройдет. Мы вспомним оба³.
 Что встретиться судил нам бог
 В час искупительный у гроба^и.
 Я верю: новый век взойдет^к
 И там — в стране больной и сонной:
 Не даром бедный свой народ
 Коперник славил оскорбленный^л.
 И мы, как он, оскорблены^м
 В своих сердцах, в своих певучих,

И нам священный меч войны^н
 Сверкает в неизбежных тучах^о.
 Пусть день далек — мечты все те ж,
 Презренье зреет гневом,
 А^п зрелость гнева — есть мятеж.
 Где жизнь и смерть, как праздный фант,
 Разыграны в тоске гостинной, —
 Там — пусть вонзится, Ангелина,
 Возмездья черный бриллиант!²⁵

Как говорилось выше, многое из «варшавского» варианта в преобразованном виде вошло позднее в эпический замысел. Этого, видимо, не могло произойти с эпилогом: ведь он заключал кульминацию лирической исповеди поэта-брата перед сестрой, эта часть — субъективно-лирическая — должна была «выпасть» из дальнейшей работы над замыслом иной устремленности, иных пропорций. Но в силу того, что «последний отрывок», эпилог поэмы, воплотил нечто очень важное для поэта в его отношении к миру, он не мог остаться бесследным: он должен был обрести самостоятельность, что и произошло в 1914 г. Тогда Блок выделил из рукописей ранней редакции ряд фрагментов, они стали отдельными лирическими стихотворениями. Характерно, что в тетради автографов поэт записывает их с двойными датами: «Земное сердце стынет вновь...» с датой «1911—6 февраля 1914», а другое, также образовавшееся из эпилога — «В огне и холоде тревог...» с датой «1910—6 февраля 1914». Среди записанных в тетрадь стихотворений оказываются и еще два фрагмента «Варшавской поэмы»: «О, как смеялись вы над нами...» с датой — «Январь 1911» и «Когда мы встретились с тобой...» с датой «1910—6 февраля 1914». Было ли это выражением кризисного состояния в работе над поэмой, которая именно как большое эпическое целое еще не удавалась Блоку? Только так этот факт обычно истолковывался исследователями. Однако точная оценка выделенного поэтом — все это ограниченные части раннего, лирического по своему характеру замысла — не дает оснований для такого вывода. Фактически уже осенью 1911 г., работая над разрастающимся эпическим сюжетом поэмы, Блок исключил их: в рукописи-черновике III главы они отсутствуют, лирические формы воплощения тех больших мыслей, которые они содержали, отодвигаются поэтом, он ищет иного. Но уже созданное имеет для Блока несомненную ценность, фрагменты из ранней поэмы появляются в печати.

В начале 1915 г. в составе небольшого цикла из четырех стихотворений, озаглавленного «Твердость», в «Русском слове» 22 марта / 4 апреля появились стихотворения «Земное сердце стынет вновь...» и «О, как смеялись вы над нами...», также выделенное из ранней редакции поэмы. Вскоре Блок публикует отдельно и стихотворение «В огне и холоде тревог...» («Биржевые ведомости», 26 апреля / 9 мая 1915 г., утренний выпуск) под названием «Моей сестре».

³ Нам суждено в огне тревог

1. Сжечь жизнь. Мы не забудем оба,

2. В огне и холоде тревог —

Так жизнь пройдет. Мы вспомним оба

3. В огне и холоде тревог —

Так жизнь пройдет. Мы не забудем оба,

^и 1. Что встретились с тобой у гроба.

2. Что нам судил недаром Рок

С тобою встретиться у гроба.

^к Я верю: новый день взойдет

^л 1. И не напрасно свой народ

Коперник оскорбленный славил —

2. Не даром славил свой народ

Коперник, оскорбленный гений.

^м *Перед стихом вычеркнуто:* Я верю в ненависть твою

^н 1. И каждый мавзолей чугунный

2. И неизбежный меч войны

^о 1. *Стих начат:* Звезнит

2. Сверкает нам в закатных тучах.

^п И

В цикл «Твердость» поэт включил, кроме двух отрывков из «Варшавской поэмы», еще стихотворения «И страшно, и легко, и больно...» и «О, я хочу безумно жить...». Все четыре стихотворения позднее войдут в цикл «Ямбы».

В содержании цикла «Твердость», его сюжетном движении раскрывается внутренний мир поэта. Его «земное сердце» обнимает все в окружающем, всю полноту бытия, оттого ему «и страшно, и легко, и больно» (III, 92). Душа поэта полна непокая, в ней «растет презренье», «зреет гнев», «бродят светлы» (III, 95, 90). Этот мотив — сквозной в цикле — так или иначе варьируется в каждом из стихотворений. В построении цикла присутствует контрастность. Если второе в цикле стихотворение «О, я хочу безумно жить...» — это гимн жизни, то следующее за ним — «Земное сердце стынет вновь...» — говорит о «стуже» жизни в «страшном мире». Заключает цикл стихотворение «О, как смеялись вы над нами...» о гражданском долге поэта: он призван «громко обличать», «храня священную любовь, твердя старинные обеты» (III, 90). Своеобразие цикла в том, что это — исповедь. В «мужающих ритмах» (ведь не случайно же название «Твердость») поэт рассказывает «о себе», о своей причастности ко всеобщему. Цикл несомненно являлся как бы первоначальной редакцией будущих «Ямбов», однако в более объемном целом поэт расскажет уже не только о себе, но и о времени. Сюжет исповеди останется в новом цикле, но будет — и в этом главное — существовать обогащен другим — «о буре этих лет» (III, 92). Двухсоставность поэтического повествования очень характерно скажется в доработке стихотворения «И страшно, и легко, и больно...»: оно начнется новым четверостишием — о внешнем мире, источнике болей и радостей поэта: «Так. Буря этих лет прошла./Мужик поплелся бороздою...» (III, 92). Принципиально новым в цикле «Ямбы» стало объединение исповеди поэта со стихотворениями социальной тематики: «Я ухо приложил к земле...», «Тропами тайными, ночными...», «В голодной и большой неволе...». Сюжет цикла благодаря новой тематической линии приобретает своеобразную эпичность.

Важно подчеркнуть остроту социальной тематики стихотворений, связанных в цикле «Ямбы» с рассказом о «времени». И стихотворение «Я ухо приложил к земле...», и «Тропами тайными, ночными...» написаны в 1907 г., являясь откликами на события первой русской революции. Наполненные до боли «хриплым стоном» души (III, 86), они говорят о зреющем гневе протеста, «вспоенном» кровью погибших. Произведения траурной, но мужественной патетики, они воодушевлены идеей исторического возмездия всему «страшному миру». Показательно, что стихотворение «Тропами тайными, ночными...», своеобразная эпитафия борцам первой русской революции, оставалось многие годы неопубликованным: Блок впервые печатает его в составе «Ямбов», до революции поэт его не публиковал, видимо предполагая неизбежность цензурного запрещения. Объединив в 1918 г. в «Ямбах» в единое целое свои дореволюционные стихи разных лет — 1907, 1909, 1910, 1911 и 1914, поэт исповедовался в своем «лути среди революций, верном пути».

Из двенадцати стихотворений «Ямбов» пять связаны с работой над «Возмездием», выделены из поэмы. В этих стихах присутствуют две темы: «огня» души поэта, его призывов к «мятежу», к будущему революционному возмездию и — поэта и поэзии («О, как смеялись вы над нами...», «Да. Так диктует вдохновенье...»). И то и другое было важным в раннем замысле поэмы. И это-то, самое ценное в нем, Блок как бы возродил в новой поэтической цельности. Цикл унаследовал от раннего замысла очень существенные элементы, именно его «начала и концы», а не те или иные отдельные фрагменты. Это следует отнести и к социальной устремленности замысла поэмы. Во время работы над поэмой Блок писал матери: «...Я яростно ненавижу русское правительство („Новое время“), и поэма моя этим пропитана»²⁶. «Ямбы» воссоздают отношение поэта к «холоду» жизни, к тому, что вызывает в ней призыв к мести, мятежу. Не случайно концовку цикла составили стихотворения, несущие идею «революционных предчувствий», — они родились из текста «последнего отрывка», эпилога раннего замысла поэмы.

Следует отметить и родственность посвящения поэмы и цикла. Только если поэма посвящена «сужденной судьбою» сестре — Ангелине Блок, то цикл, столь же сокровенно, — ее памяти. Конечно, возможность такого посвящения связана с глубокой преемственностью двух замыслов. В цикле в новом виде поэт как бы возродил главное в прежнем замысле — его обращенность к будущему. Энергия философских и социальных раздумий Блока над жизнью и призванием человека спустя десятилетие осталась живой.

Замысел поэмы «Возмездие» оказался в плодотворном русле многих творческих «начал» — исканий и свершений — Блока. Они вызывались новыми закономерностями, новой эпохой его жизни, когда поэт мог сказать о себе: «...И с миром утвердилась связь».

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ К. Чуковский. Блок как человек и поэт. — «Жизнь искусства», 1923, № 46—48.
- ² Конст. Федин. Горький среди нас. М., 1968, с. 39—40.
- ³ П. Антокольский. Пути поэтов. Очерки. М., 1965, с. 275—276.
- ⁴ И.-П. Эккерман. Разговоры о Гете в последние годы его жизни. М., 1981, с. 343.
- ⁵ За многие годы публикаций произведений Блока можно привести лишь несколько примеров: Александр Блок. Избранное. М., 1954, с. 126—127; А. Блок. Стихотворения и поэмы. М., 1968, с. 155; А. Блок. «И с миром утвердилась связь». Лирика и поэмы. М., 1978; А. Блок. Лирика. Тридцать лирических циклов и разные стихотворения. М., 1980, с. 358.
- ⁶ ИРЛИ, ф. 654, оп. 1, ед. хр. 139, л. 63 об., авт. номер.
- ⁷ Там же, ф. 654, оп. 1, ед. хр. 8, л. 86—88.
- ⁸ Там же, л. 175.
- ⁹ Там же, ф. 654, оп. 1, ед. хр. 9.
- ¹⁰ Приведем несколько примеров. Те или иные извлечения из поэмы, части или отрывки из нее напечатаны в изданиях избранных произведений А. Блока: «Избранное». М., 1954; «Избранные стихи и поэмы». М., 1955; «Стихи и поэмы». М., 1967, 1968; «Избранное». М., 1973; «Стихи и поэмы. Избранное». Свердловск, 1976; «Стихи и поэмы». Минск, 1977.
- ¹¹ ИРЛИ, ф. 654, оп. 1, ед. хр. 8, л. 51 и ед. хр. 9.
- ¹² См. его в автографе второй редакции — там же, ед. хр. 139, л. 20—22 авт. нумерации.
- ¹³ Там же, ед. хр. 8, л. 28—29.
- ¹⁴ В. В. Гиппиус. От Пушкина до Блока. М.—Л., 1966, с. 340.
- ¹⁵ ГБЛ, ф. 261, к. 13, ед. хр. 2, л. 119.
- ¹⁶ ИРЛИ, ф. 654, оп. 1, ед. хр. 8, л. 114—117.
- ¹⁷ Там же, л. 114—115.
- ¹⁸ См. об этом: Н. А. Некрасов. Полн. собр. соч. в 15 томах, т. 1. Л., 1981, с. 595.
- ¹⁹ См. об этом: М. Горький. Полн. собр. соч. Худож. произв. в 25 томах, т. 12. М., 1971, с. 592.
- ²⁰ ЦГАЛИ, ф. 1782, оп. 1, ед. хр. 2, л. 542.
- ²¹ П. Медведев. Драммы и поэмы Ал. Блока. Из истории их создания. Л., 1928, с. 213.
- ²² См. там же, с. 211.
- ²³ ИРЛИ, ф. 654, оп. 1, ед. хр. 139, л. 33 авт. номер. Он приведен в кн. Медведева «Драммы и поэмы Ал. Блока...», с. 213.
- ²⁴ См. там же.
- ²⁵ ИРЛИ, ф. 654, оп. 1, ед. хр. 139, л. 33—36.
- ²⁶ «Письма к родным», I, с. 122.